

Она умирала с гордо поднятой головой. Шёлковые одежды, растёкшись по земле словно жидкое золото, изорвались и загрязнились после темницы. Волосы, жгучее пламя, что так живо и ярко горело в лучах южного солнца, потускнели и спутались грубыми колтунами. Женщина, едва оправившаяся после тяжёлых родов, сидела перед князем на пыльной земле — лёгкий наклон головы, но прямая спина, тонкие пальцы, спрятанные в складках одежд. Её должны были привести в тронный зал и судить за плотно закрытыми дверями, но Цзинь Мэйхуа — дочь бескрайней пустыни и золотых песков — любила прогуливаться в цветущих дворцовых садах. Фэн У не мог отказать ей в последней прогулке.

Сезоны на юге сменяют друг друга почти незаметно, и Фэн У не смог бы припомнить, стояло тогда знойное лето или поздняя весна, но розовые лепестки вишни в тот день опали дождём на жидкое золото изорванного шёлка, словно сама природа оплакивала неизбежность чужой потери. Фэн У стоял перед ней и бедро горело огнём, словно меч, вложенный в ножны, раскалился докрасна. Он стоял, а хотелось упасть, рухнуть на колени, сдирая их в кровь. Он молчал, а хотелось кричать, реветь, выть диким зверем, загнанным в угол, словно это его подстерегала смерть. В тот день Фэн У не хотелось быть князем.

Доказательства вины Цзинь Мэйхуа не вызвали сомнений, так что и в настоящем суде не было большой необходимости. Советники все как один требовали линчи[1], но Фэн У никогда не имел привычки слепо их слушать. Тем не менее, вариантов у него тоже было немного: помиловать изменницу — навсегда потерять влияние и посеять смуту в сердцах народа. Настоящий правитель в первую очередь должен думать о благе своей страны.

Меч со звонким скрежетом выпорхнул из ножен, словно вспугнутая неосторожным движением птица. Остриём подняв аккуратный подбородок, Фэн У заглянул в глаза — благородный тёмный оттенок красного дерева, они словно светились изнутри, отражая рассеянные солнечные лучи.

— Можешь ли ты сказать что-то в свою защиту?

«Хоть что-нибудь?»

Язык противно лип к пересохшему небу и слова тянулись как вязкая, зловонная болотная тина. Рука, не подобающе князю, дрожала и меч приходилось сжимать с такой силой, будто он был её продолжением — до боли, до крови по затейливой резьбе, острыми гранями прорезавшей кожу.

— Ежели Его Высочество верит в мою вину, в чём смысл моих оправданий?

В этом была вся Цзинь Мэйхуа. Гордая как парящий над золотыми барханами орёл; неукротимая как песчаная буря; непостижимая как туманная фата моргана.

За свою жизнь Фэн У убивал много раз. Вспарывал глотки, рубил головы, отсекал конечности. В пылу битвы это всегда ощущалось как данность, как необходимость — тяжёлый замах, покарёженные доспехи, брызги чужой крови на лице — не запоминались даже образы, оставаясь в памяти чем-то размытым, зыбкими кругами в тёмном омуте спутанных

воспоминаний.

Цзинь Мэйхуа умирала тихо. Но Фэн У был оглушён. Хрустом тонких рёбер, расколотых напором острого меча. Глухим бурлением крови, брызнувшей из чужого горла вместе со сдавленным, влажным кашлем. Шорохом грязных шёлковых одежд упавшего бездыханного тела. Иссушенная земля, напившись крови, стала бурой как старый ржавый доспех. Тишину, нарушаемую лишь шорохом листвы вишнёвых деревьев, не смел разбить никто из советников, опасаясь лишиться головы за любой неосторожный вздох.

Капля горячей крови, брызнувшей Фэн У на лицо, обжигала жидким раскалённым металлом. А может, это катилась слеза по щеке.

Пальцы, сжимавшие меч так крепко, словно окоченели — разжать их не смогла бы целая армия. Фэн У никогда не спешил покидать поле битвы, как бы ни было тяжело, как бы ноги ни подкашивались от усталости, он уходил последним, как и подобает хорошему правителю. Но в тот день Фэн У сбежал. С мечом наголо, споткнувшись на ступенях собственного дворца, он, запыхавшись, рухнул на колени в залитом солнцем тронном зале. Отброшенный меч прочертил на полу тонкую кровавую полосу, словно красная нить судьбы тянулась от князя в никуда, обрываясь в пугающей неизвестности.

Сверкающее на солнце золото ослепляло. Фениксы на настенных знамёнах, фениксы на резьбе величественного трона, фениксы на рукояти окровавленного меча — они смотрели на Фэн У с хищным прищуром, с надменным осуждением — юный князь, выходявший победителем из многих битв, пал жертвой недопустимых чувств. В тот день Фэн У ненавидел фениксов, но должен был восстать из пепла собственной изничтоженной души подобно этой благородной птице, гордо расправившей крылья на его измятых одеждах. На его плечах лежала ответственность за целое государство.

Гуань из чистого золота, напоминающий застывшие языки пламени, венчали кроваво-красные рубины и солнце тонуло в них словно в бездне. Металл, нагревшись, прожигал затылок, грозясь вплавиться прямо в пульсирующий от боли череп. Копна тяжёлых волос разлилась расплавленной медью по спине, несколько прядей упали на лицо, когда Фэн У со злостью грубо сдёрнул его, отбросив в противоположную от меча сторону. Гулкое эхо прокатилось по пустому тронному залу. Такому же пустому и безжизненному, каким сам князь ощущал себя. Звон выпавшей из причёски однозубой шпильки на мгновение привлёк внимание Фэн У. Он взял её занемевшими пальцами — гладкая, острая как маленький меч, она была совсем простой, без причудливой резьбы и драгоценных камней. Его первая шпилька, полученная в двадцать лет[2], всего три года, но будто целую вечность назад. Он так гордился правом носить её. Какая злая насмешка судьбы — надеть именно её в день казни женщины, подарившей ему первенца; женщины, разрушившей его до основания.

Энергия внутри Фэн У бурлила раскалённой лавой.

Тонкая шпилька в сжатой до боли ладони раскололась напополам.

Когда Фэн У открыл глаза, тени горящих свечей клубком ядовитых змей вились на потолке в причудливом танце — уродливом, повторяющим силуэты его кошмарного, бессознательного видения. Он видел себя, занёсшего меч в роковом ударе, толпу жаждущих крови советников и водопад кружащихся в воздухе вишнёвых лепестков. Это воспоминание часто преследовало его во снах, но даже став почти рутинным, оно продолжало приносить с собой боль и привкус крови на языке. Только в этот раз горечь металла во рту ощущалась не эфемерной игрой воображения — она была до тошнотворного реальной.

За окном уже сгустились сумерки, но даже мягкий рыжеватый свет горящих свечей заставлял глаза слезиться, словно Фэн У смотрел прямо на пылающее золотом солнце в разгар знойного дня. Голова раскалывалась, будто кузнец несколько дней кряду ковал на ней доспехи на целую армию. Медленно повернув голову, он узнал дверь собственных покоев — огненные блики отражались от гладко отшлифованного красного дерева словно драгоценные камни. Снаружи не доносилось ни звука.

В самих покоях тоже было тихо. Густо пахло успокаивающими благовониями, древесными и слегка сладковатыми. Но даже они не могли перебить горький запах травяных настоев. От смешения ароматов тошнота мерзким комом подкатывала прямо к горлу, сухому как растресканная пустынная почва. Медленно выдохнув сквозь сжатые зубы, Фэн У приподнялся на локтях — тёплая, почти пересохшая ткань, тоже источавшая запах каких-то трав, сползла с его лба, глухо шмякнувшись рядом.

— Я бы не советовала Его Высочеству так торопиться.

Тёплая, узкая ладонь аккуратно легла на его плечо, мягко, но настойчиво ограничивая следующие движения. Фэн У прикрыл глаза в приступе лёгкого головокружения.

Цин Юань, безмолвно наблюдавшая за ним из тени, грациозно обошла низкое ложе, проскользив бледными пальцами к сгибу локтя. Оказавшись по правую руку князя, она поклонилась и, присев на колени, подала заранее подготовленную пиалу с водой.

— Как скоро Вы собирались сказать мне?

Фэн У смерил её уставшим взглядом. Цин Юань была странной женщиной, хранившей своё туманное прошлое под сотней замков. Непостижимой и загадочной как мираж в пустыне. Оглядываясь назад, Фэн У едва ли сможет объяснить даже сейчас, почему позволил ей остаться. Пытаясь выяснить о ней хоть что-то, даже будучи князем, Фэн У не преуспел — ни слухов, ни деяний, тёмных ли, светлых — будто её никогда и вовсе не существовало. Возможно, Фэн У питал слабость с сильным, загадочным женщинам; но что более вероятно, Фэн У просто был хорошим правителем, предпочитавшим держать вероятного врага в поле своего зрения. За все годы службы Цин Юань не дала ни малейшего повода усомниться в своей верности, да и пророчества её были так сладки.

— Не о чем говорить. Под солнцем равны и князь и простолюдин. Видимо, я просто вышел из того возраста, когда мог сутками сражаться в самое пекло.

Вода в пиале оказалась горькой. Такой же горькой как и столь очевидная ложь.

Цин Юань, поднявшись с колен, демонстративно разгладила несуществующие складки своих одежд. Она не была южанкой и Фэн У не был её безусловным правителем — она служила ему по собственной воле — но даже это не давало ей права спорить с князем, если он не желал говорить откровенно.

— Чтож, — сказала она, грациозным шагом направляясь к двери, — как будет угодно Его Высочеству. Однако, Ваша ци нестабильна. Я бы рекомендовала полный покой примерно на неделю и курс лечения иглами[3].

— Думаю, я могу положиться на тебя в этом вопросе?

Цин Юань улыбнулась, почтительно склонив голову. Украшения в её волосах издали приятный мелодичный звон.

— Конечно, мой господин. Вход в Ваши покои охраняет лично генерал Ю. Можете быть спокойны, никто не посмеет нарушить Ваш покой.

Вода в пиале, опустевшей и отставленной на пол, оказалась очередным лечебным отваром. Веки Фэн У медленно тяжелели, а силуэт Цин Юань окутывался туманом, исчезал за полупрозрачной дымной вуалью. Приятное спокойствие укрыло мягким коконом княжеское сердце. Спокойствие, которого он не испытывал долгие годы. Мягкое прикосновение прохладных пальцев к пульсирующему от жара затылку стало последним, что Фэн У запомнил прежде, чем глубокий сон без сновидений принял его в свои объятия.

— Набирайтесь сил, мой господин. Ваше время ещё не пришло.

Как бы сильно все ни хотели скрыть произошедшее на тренировочном поле, дворцовые сплетни хуже лесного пожара — пытаться удержать их распространение, всё равно, что тушить огонь маслом. И часа не прошло, как все слуги уже гудели как пчелиный рой, шептались как разворошённое гнездо гремучих змей. Как и подобает сплетням, казалось, с каждой минутой они обрастали новыми подробностями, одна страшнее другой.

Когда на пороге дома Цин Юань появился один из солдат, Бай Лао как раз находился в саду. Утирая пот со лба, он отчаянно боролся с сорной травой, усиленно стараясь не перепутать нужные и ненужные растения. Будучи учеником Цин Юань уже довольно долгое время, он успел понять, что гости на её пороге появлялись нечасто и явно не с целью справиться, как у

загадочной заклинательницы идут дела. Находясь в отдалении, он не мог расслышать всего, что говорил солдат, но даже обрывочные фразы, подхваченные ветром, заставили его сердце коротко замереть.

«...второй молодой господин ранен...»

Бай Лао замер, весь обратившись в слух. Отложив лопатку, которой он выкапывал сорняки, Бай Лао сжал вспотевшими от жары пальцами ткань лёгких штанов — на светлой ткани остались грязные земляные пятна.

«...сначала оказать помощь Его Высочеству...»

Слова звучали странно. Что такого могло случиться, что помощь понадобилась одновременно и отцу и сыну? Было ли это чем-то серьёзным? Скорее всего, раз понадобилось вмешательство Цин Юань. Бай Лао сильнее смял пальцами ткань штанов, губы сжались в напряжении. Он жил при дворце не так уж и долго, но уже успел понять, что второй молодой господин слишком часто получает раны. И никто не предаёт этому особого значения. Шевельнувшееся чувство в груди Бай Лао было новым. Оно походило на увядшую розу, лепестки которой ещё не опали, но уже потускнели и сморщились. Бай Лао было обидно. Но совсем не за себя.

— Эй, лисёнок! — За собственными печальными мыслями Бай Лао не заметил, что солдат ушёл так же быстро, как и появился. Цин Юань окликнула его, махнув рукой в подзывающем жесте.

Бай Лао поспешно подскочил на ноги, утирая вспотевшие ладони о штаны — светлая ткань испачкалась совсем безнадежно. Почти подбежав к Цин Юань, Бай Лао удивился — на его памяти не было моментов, когда бы эта загадочная, горделивая женщина нервничала. Не обладай Бай Лао своим демоническим врождённым даром эмпатии, он бы и сам не обратил на это внимания. Цин Юань выдавали лишь мимолётные чуть более резкие движения и неестественно для неё нахмуренные брови.

— Помнишь рецепт отвара, которому я тебя учила?

Волнение Цин Юань не было явным, но Бай Лао отчего-то чувствовал его так ярко, как чувствует голодный хищник кровь своей жертвы за многие ли. Быстро закивав, он был готов внимать каждому слову своей наставницы.

— Приготовь. И жди меня.

Цин Юань упорхнула так же быстро, как вспугнутая птичка слетает с потревоженной ветром ветки, оставив Бай Лао наедине с десятками вариантов сушёных лечебных трав и глиняной утвари всех возможных размеров.

Приготовление отвара, о котором говорила Цин Юань, не занимало много времени, но от этого

не становилось простым. Варить его непременно нужно было на свежем воздухе, чтобы пары ядовитой травы не задурманили разум. Цин Юань показывала его несколько раз, но до этого дня строго-настрого запрещала Бай Лао готовить его без её чуткого контроля и руководства. Ладони Бай Лао снова вспотели, но на этот раз не от жары.

Оказавшись у открытого стеллажа с сушёными травами, Бай Лао принялся искать нужную. Обычно все опасные, как их называла сама Цин Юань, растения она заранее рассыпала по ёмкостям в нужном количестве, но по злой иронии судьбы именно в этот день удача отвернулась от Бай Лао. Необходимый ингредиент нашёлся в одной аккуратной связке — они собрали его совсем недавно, повезло, что успело высохнуть. Аккуратно взяв пучок травы, Бай Лао понёс его к столу, затаив дыхание, словно в руках у него было не растение, а раскалённые угли.

«...ты должен очень точно отмерить нужное количество...иначе в результате получишь не лекарство, а смертоносный яд...»

Слова Цин Юань звучали в голове шорохом гремучей змеи, шелестом скорпиона, зарывающегося в песок. Бай Лао зажмурился и глубоко выдохнул. Он уже делал это раньше, но как и водится в таких случаях, знания испарялись как туман на рассвете, ускользали водой сквозь пальцы.

На мгновение Бай Лао показалось, что он не справится.

Отвар хорошо снимал боль и успокаивал взбудораженное сознание. Настойка из аконита, которую Бай Лао к этому моменту уже мог приготовить с завязанными глазами, и в подмётки ему не годилась.

«...второй молодой господин ранен...»

Бай Лао не знал, насколько сильно в этот раз пострадал Фэн Ся, и именно это незнание странным образом придало ему сил. Возможно, он остро нуждался именно в этом отваре. В силу возраста Бай Лао, возможно, не понимал многого, в том числе и собственных чувств, но одно он понимал точно — ему хотелось сделать всё возможное, чтобы облегчить чужую боль.

И в это мгновение Бай Лао знал — он справится.

Варился отвар не дольше одной горящей палочки благовоний. Гораздо больше времени требовалось, чтобы его остудить. В жаркий день едва ли в пустыне найдётся холодное место. Цин Юань обычно пользовалась какими-то затейливыми талисманами, приводившими Бай Лао в настоящий восторг, но сам он ими пользоваться, конечно, не мог. Не будучи ни демоном, ни человеком, у него не было ни малейшего шанса обучиться таким занятным заклинательским премудростям, а потому выходить из ситуации пришлось по простому — долго и нудно переливать готовый отвар из одного котелка в другой, пока тот не станет нужной температуры.

За этим методичным занятием время пролетело почти незаметно. Проведя весь день на жаре, Бай Лао утёр липкий пот со лба и размял чуть занемевшие запястья. В желудке неприятно тянуло из-за пропущенного обеда и слегка тошнило от пустынного зноя и тяжёлого горького запаха опасного отвара. Остывшая жидкость в котелке напоминала чай — желтовато-коричневая жидкость, горькая даже на запах, она переливалась в лучах закатного солнца янтарными отблесками, отражая первые, пока совсем блёклые звёзды. Бай Лао наполнил ей несколько маленьких пузатых фарфоровых бутылей, плотно закупорил деревянными пробками и принялся ждать.

Когда десятки сияющих звёзд россыпью горного хрусталя озарили небосвод, а Цин Юань так и не появилась, Бай Лао принял самое безрассудное решение за всю свою недолгую жизнь — прижав один бутылёк к груди как невероятную драгоценность, он направился во дворец.

Дворцовая стража, ожидаемо, не оказалась дружелюбной. Высокорослые, широкоплечие воины в медных шлемах с красными кисточками из конского волоса несли службу на совесть. Скрестив блестящие в лунном свете копья, они преградили Бай Лао путь — дворцовых слуг они знали поимённо и взъерошенный, чумазый ребёнок явно не был одним из них.

— Что тебе здесь нужно? — Строго спросил один из них. Окинув Бай Лао взглядом и заметив тяжёлую и слишком большую для детского уха серёжку, на строгом лице мужчины отразилось пренебрежение, которое тот даже не пытался скрыть. — Нельзя просто так заявиться во дворец, когда тебе вздумается.

Этого Бай Лао явно не учёл. Он уже бывал во дворце в сопровождении Цин Юань, которой все двери были открыты, а потому даже не подумал, что попасть внутрь самостоятельно едва ли будет возможно. Но Бай Лао не хотелось сдаваться.

«...второй молодой господин ранен...»

Набатов звучало в его голове. Ему необходимо было попасть во дворец. И тогда в голове Бай Лао родилась идея. Рискованная, но в самом деле по-лисьему хитрая.

— Госпожа Цин Юань, — произнёс он дрогнувшим от волнения голосом, — велела мне отдать лекарство второму молодому господину.

Услышав имя женщины, которой сам князь во многом благоволил, стражники замерли переглянувшись. Цин Юань никогда не требовалось особое разрешение, чтобы войти во дворец. По приказу самого Фэн У. Однажды один из стражников по незнанию не впустил её и дорого за это поплатился. С тех пор никому не хотелось испытывать на себе княжескую немилость.

Заметив замешательство стражников, Бай Лао почувствовал вкус победы. Она была сладкой как сочный персик.

— Она должна быть с Его Высочеством, — приосанившись, продолжал он, — спросите её сами.

Скрипнув зубами и тяжело вздохнув, второй стражник посмотрел на Бай Лао со смесью злобы и безысходности.

— Только быстро, — процедил он, — и чтобы никто не заметил.

Прижав бутылку крепче к груди, Бай Лао коротко поклонился, прощмыгнув мимо разнервничавшихся стражников. В тот вечер он впервые солгал ради собственной выгоды. И на вкус его маленький триумф отдавал привкусом разыгравшейся в жилах крови.

Дворец был большим, а в детских глазах так и вовсе огромен, но Бай Лао отчего-то безошибочно помнил дорогу к покоям второго молодого господина. Оказавшись внутри, волнение захватило его с новой силой. Он так спешил, что оказался перед нужной дверью раскрасневшимся и запыхавшимся. Коротко постучав и дождаввшись разрешения войти, он почти забежал внутрь. Так непочтительно, но так очаровательно.

Фэн Ся встретил его взглядом, полным удивления. Он не ждал гостей в столь поздний час, уже собираясь отойти ко сну.

Бай Лао так хотелось побыстрее убедиться, что жизни Фэн Ся ничего не угрожает, что он даже забыл поклониться. В глаза бросилось перевязанное левое плечо с бурым пятном запёкшейся крови, но в остальном второй молодой господин выглядел неплохо. Даже гораздо лучше, чем в тот раз, когда Бай Лао первый и последний раз был в его покоях, промывая страшные, вздутые кровавыми волдырями раны от кнута. В этот раз Фэн Ся спокойно полусидел на кровати, просматривая какой-то свиток и молча позволяя так неприлично себя разглядывать. Длинные волосы каскадом рыжего пламени спадали на смуглые плечи, из одежды только лёгкие нижние штаны. Бай Лао мимолётно отметил, что Фэн Ся возмужал и странное смущение кольнуло в груди раскалённым угольком, заставив Бай Лао опустить наконец глаза в пол.

— Что ты здесь делаешь? — Фэн Ся усмехнулся, сев лицом к нежданному гостю и подперев подбородок здоровой рукой.

Бай Лао вздрогнул. Вспомнив цель своего визита, он протянул вперёд пузатый фарфоровый бутылёк сразу двумя руками.

— Отвар из михунь-цао[4]. Он облегчит боль и поможет уснуть.

Так и замерев на месте с опущенной головой, Бай Лао услышал вздох. Уставший, но не раздражённый.

— На столе кувшин с водой и пиала, — мягко произнёс Фэн Ся, — самому мне будет сложно сделать всё правильно.

Отмерев, Бай Лао поспешил к низкому столику. Подхватив кувшин и пиалу, он сел на колени рядом с кроватью. Наполнив пиалу наполовину водой, он откупорил бутылку. По покоем медленно поплыл терпкий, горький травянистый запах.

«...лекарство от яда отделяет всего одна лишняя капля...»

Руки Бай Лао предательски дрожали.

Аккуратно передав пиалу Фэн Ся, Бай Лао замер, наблюдая, как тот поднёс её к губам.

— Михунь-цао, значит? — Улыбчиво прищурился Фэн Ся. — Кто готовил этот отвар?

Сердце Бай Лао пропустило удар. На вид отвар выглядел безупречно — именно таким, как учила его Цин Юань, но в глубине души всё равно жарким пламенем горело сомнение.

— Я сам.

Бай Лао так нервничал, что уже был готов отступить — выхватить пиалу не то с лекарством, не то с ядом из чужих рук, отбросить в стену, чтобы та разбилась не мелкие осколки, забрать бутылку, убежать и больше никогда не показываться Фэн Ся на глаза. Он почти вскрикнул, широко распахнув глаза, когда Фэн Ся, подмигнув ему, одним махом выпил всё содержимое.

— Чтож, — коротко кашлянув от терпкой горечи, сказал он, — если завтра я не проснусь, не кори себя. Скорее всего, никто даже не расстроится. Не так уж я и важен.

Отвар из михунь-цао действовал быстро. Боль отступала стремительно, как пенная морская волна возвращается от берега обратно в море. Приятная пустота укрыла уставший разум тяжёлым парчовым покрывалом и Фэн Ся так приятно качался в колыбели зыбкого небытия. Это могло быть приятной смертью. Облегчением. Избавлением. Блаженная улыбка тронула его губы.

«Сяньшен важен мне».

Тихий, но уверенный шёпот стал последним, что он услышал, и мягкие объятия сна поглотили его.

Возвращаясь из дворца затемно, Цин Юань почувствовала неладное едва войдя в сад. Будучи весьма опытной заклинательницей, она хорошо чувствовала чужое враждебное присутствие. Оно не удивляло, скорее, забавляло. Усмехнувшись и закинув за спину прядь тяжёлых тёмных волос, лоснящихся в звёздном свете, она неспешно, почти величественно, направилась к дому.

Едва переступив порог, она грациозно отшагнула в сторону, взмахнув полами расшитых серебром одежд. В лунном свете блеснуло остриё короткого кинжала и тёмную тишину нарушил шорох шёлковых одежд и свист чужого неумелого замаха. Танцующе перекружившись через плечо, Цин Юань во тьме схватила тонкое запястье, больно заломив руку за спиной нападавшего. Кинжал с глухим стуком упал на деревянный пол.

— Не можешь убить, не стоит и позориться.

Раздалось шипение, словно кошке наступили на хвост. Цин Юань усмехнулась, брезгливо отпустив чужое запястье. Подобрав с пола кинжал, она взмахом руки зажгла свечи и тени заплясали на алых одеждах внезапной гостьи.

— Чем обязана столь позднему визиту, Сяомин-шуфей?

Глаза Сяомин в рыжем свете свечей горели острой яростью. Потирая ноющее запястье, она едва ли не рычала диким зверем.

— Доверять тебе было ошибкой, — ядовито выплюнула она, — ты обещала мне возвышение, а что в итоге? Заморочила голову Фэн У настолько, что он готов отправить родного сына на сожжение?

— И сейчас, когда Его Высочество так слаб, что помочь ему могу только я, ты решила убить меня? — Рассмеявшись, Цин Юань опустилась на подушку перед низким столиком, вертя в руках кинжал. — Но разве ты не возвысилась? Ты же была так влюблена. А теперь желаешь смерти князя, избавившись от меня?

Сяомин злобно поджала губы. Руки сжались в кулаки.

— Выбирая между мужчиной, который так и не смог полюбить меня в ответ, и собственным сыном, я выберу сына.

Медленно поднявшись, Цин Юань приблизилась к Сяомин. Медленно, плавно, как хищник загоняет жертву в угол, она заставила её отступить к стене.

— Твой сын, — сказала она, поддев чужой подбородок самым кончиком кинжала, — такой же мужчина, который когда-нибудь кого-нибудь не полюбит. Юг придёт в упадок, займи он трон сейчас. Возможно, доверять мне, действительно, было ошибкой, но я слишком долго веду эту игру, чтобы позволить тебе всё разрушить.

Кинжал скользнул ниже. Очертил линию под нижней челюстью, прошёлся в опасной близости от колотящейся артерии на тонкой шее и замер в ямке между острых ключиц.

Сяомин сглотнула.

— Как ты думаешь, милая шуфэй, — елеиным голосом продолжала Цин Юань, — что случится, узнай князь, что единственная женщина, которую он любил и кровь которой ему не смыть ни со своих рук, ни со своего меча на самом деле его не предавала? Линчи покажется тебе лаской в сравнении с тем, что Его Высочество с тобой сделает. Подумай, что станет с твоим любимым сыном. Уверена, даже дочь каменщика в состоянии оценить последствия.

Холод кинжала отступил. Перехватив его за лезвие, Цин Юань протянула оружие несостоявшегося убийства обратно Сяомин.

По телу Сяомин прошлась неконтролируемая дрожь.

Отойдя к окну, Цин Юань обернулась через плечо.

— Не стой у меня на пути, Шу Сяомин. И не играй с пламенем, что тебе не подвластно...

...оно сожжёт тебя дотла.

Комментарии и примечания:

[1] Линч́и (кит. трад. 凌遲, упр. 凌迟, пиньинь língchí, буквально: «затяжная бесчеловечная смерть, медленная экзекуция», кит. трад. 千刀万剐, упр. 千刀万割, пиньинь shàqiānwànguā, буквально: «смерть от тысячи порезов») — особо мучительный способ смертной казни путём отрезания от тела жертвы небольших фрагментов в течение длительного периода времени. применялась как правило за отцеубийство и государственную измену.

[2] Гуань ли (冠礼) - это китайская церемония совершеннолетия для юношей, отмечающая переход от детства к взрослой жизни. Обычно проводится в возрасте 20 лет, после чего молодой человек считается взрослым и может брать на себя социальные обязанности. Церемония включает в себя надевание головного убора, символизирующего взрослость. После церемонии гуань ли молодой человек может жениться, наследовать имущество, участвовать в общественной жизни и принимать на себя другие обязанности взрослого.

Шпильку в древнем Китае могли носить только люди высоких сословий. Как правитель, Фэн У обязан носить гуань и шпильку. В этом, возможно, незначительном эпизоде я пытаюсь донести до вас, в каком внутреннем раздразе всю свою жизнь находится Фэн У. После казни Цзинь Мэйхуа он собственноручно ломает один из важнейших церемониальных атрибутов, считая себя более недостойным носить его. И хотя по факту Фэн У вершил правосудие, сам же он в глубине души приравнивает себя к преступникам (ведь именно преступники лишались права носить шпильку).

[3] В данном случае речь идёт об отклонении ци. В китайской философии и медицине ци — это жизненная энергия, которая пронизывает все сущее, включая человеческое тело. Она отвечает за функционирование всех органов и систем, а также за психическое состояние. Отклонение ци в контексте китайской медицины и философии означает нарушение или дисбаланс в потоке

жизненной энергии. Это понятие относится к различным состояниям, когда ци не течет свободно и гармонично в организме, что может приводить к физическим и психическим заболеваниям. То есть, находясь в постоянном психоэмоциональном напряжении, Фэн У довёл себя до состояния близкому к смертельному. Естественно, он слишком упрям, чтобы открыто признать это. Или он просто слишком сильно ненавидит сам себя, такие дела ♀♀♀

[4] Михунь-цао (♀♀♀) — дурман-трава. В Древнем Китае дурман, вероятно, использовался в медицинских и ритуальных целях, хотя точные сведения о его применении в этот период довольно ограничены. Известно, что дурман (*Datura spp.*), как и другие растения семейства паслёновых, содержит алкалоиды, обладающие психоактивными свойствами. мог применяться в традиционной китайской медицине для облегчения боли, лечения астмы и других заболеваний. Однако, из-за высокой токсичности, его использование требовало осторожности и знаний. Хотя прямых упоминаний о дурмане в древнекитайских медицинских текстах может быть немного, существует вероятность, что он был упомянут в других текстах или легендах, связанных с мистическими практиками или целительством.

<http://bllate.org/book/14934/1323655>